

3..2..1..1..2..3

ДОНЕЦК ЧЕРЕЗ ПРИЦЕЛ ВИДЕОКАМЕРЫ

00:01
12:30

ДАНИИЛ ЛЕВИН

00:00:00

125 F5.6 ISO 400

Даниил Левин

Донецк через прицел видеокамеры

«Издательские решения»

Левин Д.

Донецк через прицел видеокамеры / Д. Левин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937638-1

Жизнь обычных горожан и трудовые будни российских журналистов, мощные артобстрелы и досуг в нерабочее время, шокирующие происшествия и настоящая мужская дружба в охваченном войной Донецке. Репортёр Даниил Левин в подробностях рассказывает о пережитом и вспоминает то, что осталось за кадром во время командировок в горячую точку. Книга будет интересна журналистам как пособие для работы в зоне боевых действий. Не останутся равнодушными и желающие узнать о происходящем на войне от первого лица.

ISBN 978-5-44-937638-1

© Левин Д.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Первая часть «Мороз по коже»	9
Чапаева, 4	10
Два дня под обстрелами	15
Съёмки в прифронтовом посёлке Спартак, или как оператор порвал икроножную мышцу	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Донецк через прицел видеокамеры

Даниил Левин

© Даниил Левин, 2018

ISBN 978-5-4493-7638-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

«Журналистика – это стиль, идеи, проблемы... А репортёр передаёт факты. Главное для репортера – не солгать. В этом состоит пафос его работы. Максимум стиля для репортёра – немота. В ней минимальное количество лжи...» – С. Довлатов, «Заповедник».

Весной 2015-го меня и моего оператора Стаса (чуть позже я ещё познакомлю вас с ним) приглашает на день рождения подруга. Такие радостные и редкие события в напряжённом графике съёмочной группы на войне, – конечно, настоящее счастье. На улице прекрасная погода, светит солнце. У меня в руках красивый букет, у Стаса— подарок. Оба нарядные, готовы к празднику.

Большинство таксистов в Донецке работают на машинах марки «Ланос». Кто не знает, это нечто среднее между «Жигулями» и «Део». Мы – такие красивые – и слышать ничего не желаем о поездке до дома подруги на подобном транспорте.

Вызывая такси, я уверенно произношу «нам, пожалуйста, что угодно, только не „Ланос“». Хочется всё таки произвести впечатление во время праздника. И не важно, что выходящими из салона у подъезда нас даже никто не увидит. «Да, конечно, подберу вам машинку», – обнадеживает нас диспетчер.

Через несколько минут раздаётся звонок от водителя – можно выходить. В голове мелькает мысль спросить, не на «Ланосе» ли шофёр, но уж до полного абсурда ситуацию решаю не доводить. Думаю, мы ведь всё уточнили заранее.

Едва ли не вприпрыжку спускаемся по лестнице. У подъезда, действительно, стоит не «Ланос»... А «Черри»! Это такая маленькая букашка. Аналог «Смарта», только эконом-вариант. Чего уж там, это даже хуже «Ланоса». Но не он ведь! Так что даже не придраться.

Водитель – огромный бородатый мужчина – размером почти со свою малолитражку. Ах да, чуть не забыл – она крайне нелепого салатного цвета.

Я у подъезда Али

Идентифицировать в Донецке не местного, а тем более русского, а тем более российского журналиста – крайне просто. В первую очередь, отсутствие характерных «шо» и «хэ» в речи (хотя я с большим удовольствием, даже с любовью и без тени сарказма пытаюсь копировать говор).

Кроме того, выдаёт нас и несколько иной менталитет (взять хотя бы причуду с выбором машины для поездки). Вот и владелец салатовой «Черри» сразу понимает, кто у него в салоне.

– Переднее стекло с моей стороны разбито, видите? – неожиданно начинает беседу водитель.

– Видим, – отвечаем мы.

– Пуля пробила, – продолжает шофёр так невозмутимо, как эту фразу может произнести только донецкий таксист, – тоже вёз ваших коллег, ребят с «Лайфньюса». Летом 2014-го в ту ночь, когда убили оператора «Первого канала» Анатолия Кляна. Было сразу понятно, что какая-то мутная история назревает. Позвали всех журналистов снимать, как солдатские матери пойдут к воинской части просить отпустить их детей. А кто организатор, почему в такое позднее время – непонятно. Всё стало ясно, когда по колонне репортёров начинают стрелять. Провокация! Спасибо, живые оттуда уехали. А стекло я специально не стал менять – пускай будет на память о втором дне рождения.

Разумеется, эту историю мы слышали от многих очевидцев того жуткого происшествия. Любопытно в этой беседе другое – спор, который завязывается с водителем чуть позже. А начинается он со вскользь брошенной шофёром фразы:

– Да ладно, вы же – репортёры – кайфуете от этого!

– От чего – этого? – недоумевающе переспрашиваем мы.

– Ну как, война, обстрелы – опасность, в общем.

– А мы, уж поверьте на слово, и не кайфуем вовсе.

Наш ответ просто ошарашивает водителя. Мысль о нашей жажде экстрима и приключений кажется ему настолько очевидной, что он даже приходит в замешательство.

– А зачем же вы тогда ездите в горячие точки? – удивлённо интересуется он.

О, сколько раз мы слышали этот вопрос. Заботливым тоном так говорят близкие, с недоумением знакомые, с неподдельным интересом все остальные. Не знаю мысли коллег по этому поводу. Я могу с уверенностью говорить только от своего имени.

С оператором Стасом на съёмках

В первую очередь, для меня как журналиста это колоссальный опыт. В дебютную командировку в зону боевых действий в Донбасс я отправился, когда мне было всего девятнадцать лет. Самому до сих пор интересно, многие ли знали о том, что до этой поездки мне приходилось работать в прямом эфире только дважды. А уже в самый первый день моего пребывания в Донецке мы включались¹ четыре раза.

Всего за время работы на телеканале у меня было пять поездок в зону боевых действий общей длительностью семь месяцев. Плюс ещё одна командировка до начала войны. Весной 14-го я провел в Донбассе несколько недель – депортировали меня за два дня до провозглашения независимости (в дальнейшем я, конечно, расскажу об этом подробнее).

Пока продолжу отвечать на вопрос про мотивацию. В охваченный войной Донецк я каждый раз отправлялся для того, чтобы быть очевидцем значимых для всего мира событий. Ведь потом этот вооружённый конфликт войдёт в учебники по истории (если уже не вошёл).

Я искренне – возможно, несколько наивно – чувствую себя летописцем на передовой. Автором сюжетов, которые через несколько десятилетий кто-нибудь посмотрит, чтобы узнать, как там всё было.

Впрочем, тебе, дорогой читатель, предлагаю не ждать так долго и прямо сейчас пережить значимые моменты, которым мы все стали современниками, а лично я ещё и свидетелем.

¹ Включаться – выходить в прямой эфир

Первая часть «Мороз по коже»

«Война всех одинаково облагает данью: мужчины расплачиваются кровью, женщины – слезами», —

Уильям Теккерей, «Ярмарка тщеславия».

Чапаева, 4

У меня очень плохая кратковременная память: не получается зафиксировать имя человека, представившегося несколько минут назад, или какую-то дату, озвученную только что. Однако нет сомнений в том, что адрес Чапаева, 4, услышанный мною во время зимней командировки в Донецк, останется в моей голове на всю жизнь.

У пятиэтажного здания, расположенного по этому адресу, я с оператором Стасом оказываюсь примерно через полчаса после того как первый снаряд попадает прямо в здание, второй разрывается неподалёку. Один из осколков, пролетев сорок, а, может, и пятьдесят метров, убивает пожилую женщину, которая находится в соседнем частном доме.

В здании по адресу Чапаева, 4 выбиты абсолютно все окна, в стене на четвёртом этаже зияет огромная дыра от попавшего снаряда, во дворе валяются ветки, разбитое стекло.

Чапаева, 4

Во время работы на месте обстрела много снимать не стоит, да и вообще лучше там не задерживаться. Поэтому мы быстро делаем нужные кадры, общаемся с местными жителями, записываем стенд-ап². И уже готовимся уезжать. Так бы и всё удачно и завершилось, если не одно но.

Наша подруга Аля – корреспондент «Донецкого агентства новостей», та самая, к кому мы отправились на день рождения в салатом «Черри» – вместе с фотокором в этот момент подъезжает к месту обстрела на такси. Она предлагает дождаться её, чтобы затем вернуться уже вместе.

Я соглашаюсь, ведь у меня есть ещё одно важное дело. Местная жительница – пенсионерка Надежда (это имя я, естественно, тоже сначала не запомню, потом переспрошу и после этого уже, наверное, никогда не забуду) – спрашивает, остались ли ещё на месте сотрудники МЧС. Дверь в квартиру женщины заклинило – теперь невозможно закрыть.

² Стенд-ап – фрагмент сюжета, когда корреспондент наговаривает текст в объектив камеры

Когда я говорю, что, кажется, все спасатели уехали, Надежда робко задаёт ещё один вопрос: можем ли мы помочь увезти отсюда её пожилых родителей? Отказать, разумеется, нельзя, да и правда хочется оказать хоть какую-то услугу людям, попавшим в беду.

На такси уже подъезжает Аля с фотокором, они выходят из машины. А я вручаю шофёру двести рублей (этой суммы с лихвой хватит, чтобы оплатить проезд с одного конца Донецка до другого) и прошу его подождать несколько минут.

Тем временем из подъезда выходят родители Надежды. Бойкий старичок в щегольском для происходящего пиджаке помогает своей супруге, у которой здоровье, увы, намного хуже, спуститься с лестницы.

Сколько лет они прожили вместе, а точнее десятилетий? Может, и полвека, если не ещё больше. В одном нет сомнений – заключительную часть своей истории любви они представляли не так.

Каждый шаг женщине даётся с огромным трудом. И на её мокром от слёз лице проявляется боль не только физическая. Каково ей видеть разрушенный дом, оставлять свою квартиру, в которой было прожито столько счастливых мгновений...

Первый взрыв раздаётся в тот момент, когда пожилые супруги только садятся в машину и закрывают двери. Все, кто стоят на улице, мгновенно пригибаются и ложатся на землю.

В такие моменты правило одно – падай, где стоишь. Ведь люди получают ранения, в том числе смертельные, чаще всего от осколков, которые разлетаются на несколько десятков метров.

А автомобиль с пенсионерами всё ещё стоит на месте. Путь ему преграждает «Газель» спасателей. Я рядом с ней. Из всех сотрудников МЧС ближе всех ко мне и, соответственно, к машинам начальник пожарной части – полковник, которого все зовут просто Петровичем.

Как в тот момент обращаюсь к нему я? Понятия не имею. Главное, он слышит от меня то, что нужно как можно быстрее отогнать служебный автомобиль в сторону.

Молниеносный прыжок – и вот Петрович уже за рулём. Путь для такси через несколько секунд свободен. Честно говоря, то, как машина с пожилыми супругами уезжает и уезжает ли вообще, я уже не вижу. Забегаю в один из подъездов – как раз в квартиру, оставленную пенсионерами.

Кроме меня, внутри наша подруга Аля, какой-то чиновник из местной администрации, прапорщик МЧС и та самая Надежда, которая попросила помочь её престарелым родителям.

В момент обстрела связь сразу отключилась, поэтому узнать, что с остальными ребятами, – невозможно. Остаётся только надеяться, что мои оператор и водитель, коллеги с канала «Лайфньюс», другие сотрудники администрации, спасатели – все успели забежать в другие подъезды.

Как выяснится уже позже, к счастью, успели. Благодаря одному человеку. Когда разорвался первый снаряд, местные жители мгновенно спустились в подвал. Оттуда они слышат крики людей, оставшихся на улице. Металлическая дверь в подъезд закрыта – и ребята не могут попасть в дом. Стучат, кричат, зовут на помощь.

Виктория Зуева выскакивает из бомбоубежища ради совершенно незнакомых людей. Держит дверь, пока все забегают внутрь. В этот момент поблизости разрывается очередной снаряд. Осколок попадает в спину Виктории. Прямо на месте доктор МЧС оказывает ей первую помощь.

Забегая вперёд, расскажу, что через неделю я познакомлюсь с этой храброй женщиной в больнице. Героиня расскажет: трудилась в донецком аэропорту, когда начались боевые действия, пришлось искать новое место. Стала работать дворником в Киевском районе, где жила, – деньги ведь получать как-то нужно. Виктория одна воспитывает маленького ребёнка.

Ранение настолько серьёзное, что на несколько месяцев пациентка прикована к постели, а потом будет заново учиться ходить. На вопрос, не жалеет ли она о том, что в тот вечер выбе-

жала из бомбоубежища, женщина без лишнего пафоса и очень искренне произносит: «иначе я бы себе этого не простила».

Но это будет позже. А пока мы – пять человек – стоим в прихожей однокомнатной квартиры. Я чувствую себя несколько неловко от того, что на мне бронежилет и каска. А рядом все, кроме Али, без какой-либо защиты. Хотя и пластины, понятное дело, могут не спасти.

Коридор такой маленький, что все на этом пятачке едва помещаются. Вокруг стены, поэтому можно считать, что мы в безопасности. Но всё равно после каждого оглушительного хлопка Аля и Надежда вскрикивают.

Пенсионерка с тревогой в голосе спрашивает у меня: «успела ли уехать машина с её родителями?» Без колебаний отвечаю: «да, конечно, они умчали в самом начале; я видел, всё в порядке».

Мужчины стараются не паниковать. Вот только сотрудник администрации – лысенький в очках – очень уж хочет закурить. Разумеется, делать этого в нашей ситуации нельзя. Вдруг осколками повреждён газопровод. Когда чиновник берёт в руки зажигалку, Аля кричит на него так громко, что больше к этому вопросу никто не возвращается.

Несколько минут спустя Надежда начинает брызгать по стенам святой водой. Потом, повернувшись к нам, спрашивает разрешения окропить и на нас. Я нейтрально отношусь к таким религиозным проявлениям, но, как говорится, атеистов в окопах нет... Капля святой воды попадает мне прямо в глаз. В этот момент я, улыбнувшись, думаю, что теперь мне уж точно ничего не грозит во время обстрела.

Чапаева, 4. После обстрела весь двор изрыт воронками

Он продолжается уже минут десять. То снаряд разорвётся где-то перед домом, то с другой стороны. Минутным затишьем решает воспользоваться наш водитель Юра. Его описать очень просто: высокий, крупный с медвежьими руками – таких называют настоящими мужиками.

Спокойно отсиживаться в подвале он не может. Ведь на улице стоит его машина. Совсем недавно пригнанный из Грузии «Фольксваген Пассат» стоимостью четыре тысячи долларов. Сумма очень большая, для покупки Юре пришлось даже брать в долг.

Пробегая по битому стеклу, шофёр садится за руль и уезжает с места обстрела. При этом, не отправляется в центр города, где всё спокойно. А просто отдаляется на несколько километров – относительно безопасное расстояние – и ждёт нас.

Только Юра отъезжает – через несколько секунд следующий снаряд превращает в решето автомобиль журналистов «Лайфньюса» и ту самую «Газель» сотрудников МЧС. «Фольксваген» нашего водителя до этого стоял в нескольких метрах.

– Зачем ты так рисковал? – уже потом, беседуя с Юрой, я спрошу его.

– Ну а как я свою ласточку брошу, – смущённо отвечает он.

– Ты что, как же так? – вскрикиваю я – все корреспонденты, которых ты возишь, смогли бы объяснить руководству канала, что очень нужно помочь тебе с машиной. А вот что бы мы сказали твоей жене и двум детям, если с тобой что-нибудь случилось?..

Ну а чтобы с нами ничего не случилось, мы из квартиры Надежды перебираемся в подвал. Оказывается, под землёй можно свободно перемещаться между подъездами. Где-то в середине дома мы все и встречаемся: журналисты, спасатели, сотрудники администрации, местные жители.

Блондинка среднего возраста с испуганными глазами, едва не плача, спрашивает разрешения у руководителя пожарной части Петровича сбежать в квартиру, где до сих пор находится её собака. Секундное колебание. «Наденьте хоть мой бронежилет и каску», – предлагаю я.

К счастью, через несколько минут женщина вместе с испуганным псом возвращается в подвал. К этому моменту Аля, у которой – единственной из всех – телефон смог в бомбоубежище поймать сотовую связь, дозванивается до своей редакции «ДАН». Поэтому новость о том, что журналисты попали под обстрел, стремительно оказывается на лентах всех информационных агентств.

Ну а затем Аля, которая часто по работе общается с военными, начинает судорожно звонить всем своим контактам. В итоге, благодаря этому, работники министерства обороны ДНР связываются с сотрудниками совместного центра по контролю и координации за прекращением огня. Те передают информацию украинским военным и требуют остановить обстрел жилых кварталов.

Впрочем, могу предположить, что у нас была бы возможность поскорее выбраться из опасного района, даже если запустить эту длинную цепочку не удалось. Взволнованная Аля сделала столько звонков всевозможным офицерам, что я бы не удивился, если глава республики Захарченко лично приехал спасать нас.

Однако, как известно, спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Не вечно же сидеть нам в подвале, да и я, поглядывая на часы, понимаю, что до вечернего выпуска новостей остаётся примерно час. Продюсеры, даже не дозвонившись до меня, и так, конечно, осознают, что мы стали участниками очень масштабного происшествия.

Вот только успеть написать сюжет невозможно. Хоть бы перегнать в Москву видео и подготовиться к выходу в прямой эфир с рассказом о подробностях обстрела. Впрочем, даже ради служебной необходимости покидать бомбоубежище, пока на улице ещё разрываются снаряды, я, прямо скажем, не горю желанием, как, собственно, и все остальные.

Вот только кажется, что уже всё закончилось, я с некоторыми из коллег решаю высунуть нос на улицу. В этот момент на наших глазах разрывается снаряд.

Ярко-оранжевая вспышка. Осколки в разные стороны. Определить калибр в этом случае очень просто. Если бы мина была 122-х миллиметровая, сейчас эти строки я не писал. К счастью, снаряд был менее мощным.

В подвале немного жутко. Все сидят в томительном ожидании и угнетающем напряжении. Петрович передаёт своим коллегам из МЧС адрес, где мы находимся. Эвакуировать нас решено на бронетехнике. Но чуть позже – на это потребуется время. А начало эфира всё ближе.

В этот момент в помещение входят, чуть пригнувшись, сотрудники пресс-службы республиканского министерства обороны. Как же все были рады видеть этих замечательных ребят в тяжёлых бронежилетах и касках. Они убеждают нас, что на улице уже всё стихло. И через несколько минут на машинах парней мы отправляемся как можно дальше от места обстрела.

С нашим водителем Юрой мы встречаемся в центре. В такие моменты понимаешь, какие они – настоящие, крепкие, мужские объятия. Несколько минут, чтобы рассмотреть друг друга –

живых и невредимых, – обсудить случившееся. И всё – пора уже выставляться³ перед прямым включением.

³ Выставляться – занимать позицию, настраивать аппаратуру перед прямым включением

Два дня под обстрелами

Обстрел по адресу Чапаева, 4 случился на следующий день после такого же происшествия в соседней с Донецком Макеевке. Настолько напряжённой была обстановка в Донбассе в конце января 2017-го года. Даже из центра города отчётливо различаются разрывы снарядов где-то на окраине. Ведь расстояние до линии фронта – меньше десяти километров.

В тот день ещё утром становится понятно, что сегодня нам предстоит много работать. Здание пресс-центра министерства обороны ДНР достаточно близко от передовой.

И во время брифинга представителя ведомства Эдуарда Басурина даже через закрытые окна слышна канонада. Я интересуюсь у Эдуарда Александровича, когда в последний раз обстрелы были настолько серьёзными? Да, подтверждает он, «такого, действительно, давно не было».

Сотрудники Минобороны строго запрещают нам выдвигаться к линии разграничения и принципиально не сообщают адреса обстрелов. Однако через какое-то время, когда обстановка хоть немного нормализуется, мы выдвигаемся туда, где совсем недавно снарядами были повреждены жилые дома.

Макеевка – ближайший крупный город к Донецку. Это как Химки или Мытищи для Москвы, только почти одинаковые по размеру. Частный сектор. По заснеженным улицам ещё нужно отыскать нужный дом. За рулём того самого «Фольксвагена Пассата», который на следующий день едва не превратится в решето, наш водитель Юра.

Я и мой оператор Стас в центре Донецка

Справа на месте штурмана мой оператор Стас. Несколько недель назад во время съёмок на передовой он серьёзно повредил ногу (об этом подробнее расскажу в следующей главе). Жуткий диагноз – разрыв мышцы икры со смещением.

Перевязывая распухшее место эластичным бинтом, оператор готов работать, несмотря на травму. Впрочем, в его нынешнем физическом состоянии Стасу можно доверить съёмки исключительно статичных планов.

Если вдруг придётся побегать, на помощь придёт местный стрингер. Весёлый, дружелюбный, шокающий, хэкающий – такой типичный «хохол» в самом хорошем значении этого слова.

На самом деле, раненый боец Стас и не должен был ехать с нами. Просто он решительно заявляет, что не может просиживать на диване, когда происходят такие масштабные события. Настоящий профессионал своего дела!

Вот такой компанией мы подъезжаем к месту съёмок. Юра, дёргая ручник, традиционно вырисовывает полицейские развороты на снегу. Знает, как нас позабавить; ну и сам, очевидно, наслаждается такими маневрами по улицам.

Наконец, приезжаем. Снарядом разрушен второй этаж частного дома. Видно, что он не достроен. Крепкие брёвна снизу, качественная вагонка выше. Всё это хозяева были вынуждены оставить ради собственной безопасности. Будто бы предчувствовали. Увы, незавершённое здание теперь можно только разобрать для начала нового строительства.

У нашего коллеги свой дрон⁴. Он решает запечатлеть последствия обстрела с высоты птичьего полёта. А мы едем дальше по улице – там должен быть ещё один адрес, куда попал снаряд.

Частный участок. Небольшой дом. Гараж. Мина разорвалась рядом с этой постройкой. Осколками посечены стены, автомобиль, повален забор. К счастью, никто не пострадал. С камерой в одной руке, с костылём в другой Стас пробирается по доскам к воронке.

Разбитые стёкла, стены в дырочках, как кожа, изъеденная оспой, поваленные ветки – стандартные для такого происшествия кадры снимает Стас. Стандартные – как просто и ненавязчиво это звучит. Просто планы, сохранённые на флешке камеры. А для кого-то это разрушенное детище всей жизни.

Хозяева участка – пожилая семейная пара. Они в доме вместе с соседкой, которая проходила мимо во время обстрела. Чудом успела забежать. Пенсионерки наперебой начинают рассказывать о происшествии и о том, насколько часто обстреливают их участки последние несколько недель.

В этот момент где-то поблизости разрывается снаряд.

Эпизод остаётся на нашей записи. Удивительно, уже потом во время отсмотра видео я замечаю: камера начинает заваливаться вниз, когда слышен только свист снаряда. Стас – опытный оператор, за плечами которого работа на войне в Сирии, Чечне и Южной Осетии – реагирует сразу. Пожилые женщины пригибаются только после того, как раздаётся оглушительный хлопок.

Я, разумеется, тоже мгновенно оказываюсь на земле. А вот пожилой мужчина рядом стоит, как вкопанный. Уже лёжа хватаю его за ногу и, можно сказать, силой валю на снег. И не напрасно. В этот момент неподалёку от нас свистит ещё одна мина.

В такой ситуации опытный оператор не выключает камеру. Что называется, снимает всё одним планом без остановок. Разрывы снарядов, крики пенсионеров.

И вместе с этим (смех и грех, как говорится) в кадре видно, как наш водитель бежит к Стасу с костылём, который до этого лежит на земле. Причём, благодаря съёмке от первого лица, очевидно, что медицинское приспособление предназначается именно тому, кто держит в руках камеру.

После первого взрыва лично у меня мелькает мысль спрятаться в доме. Но фраза нашего водителя «на*** в тачку!» не располагает к обсуждениям. Я прыгаю на заднее сиденье, Стас со своим костылём усаживается спереди! Юра резко нажимает на газ. Через несколько минут мы подбираем нашего товарища с коптером – и все вместе отправляемся в Донецк.

Это было воскресенье. И продюсеры редакции решают, что лучше всего сделать материал на следующий день. Так бы и случилось. Если о обстреле случайно не узнала наша подруга Аля из «Донецкого агентства новостей», с которой вы уже знакомы. Конечно – тут её нельзя корить – она сразу выдаёт информацию о происшествии с журналистами на ленты.

Оттягивать создание материала уже нельзя. Поэтому из квартиры я выхожу на улицу, чтобы рассказать на камеру подробности происшествия.

⁴ Дрон – квадрокоптер для съёмок с воздуха

В 16:00 разрывы снарядов, последствия обстрела и то, как оператору несут костыль, выходит в эфир.

Съёмки в прифронтовом посёлке Спартак, или как оператор порвал икроножную мышцу

Это покажется удивительным, но за две недели до обстрелов, которые мы пережили в Макеевке и Донецке, было очень мало инфоповодов – тем, способных заинтересовать редакцию, а, значит, и зрителя. Или зрителя, а значит, и редакцию. Так и не разберёшься. Одним словом, ничего любопытного в Донбассе не происходило.

В горячих точках чаще всего освещают либо активные боевые действия, либо реальные проблемы конкретных людей, оказавшихся из-за трагических событий в беде.

К январю 17-го уже все истории, которые, кажется, только можно вообразить, были в эфире. Позиционная война, то есть локальные перестрелки, не вызывают интереса. Поэтому съёмочные группы выкручиваются, как могут, чтобы подготовить хоть какой-нибудь материал.

Испытывая, что называется, лёгкий информационный голод, узнаём мы о том, что сегодня военнослужащие армии ДНР организуют полевую кухню в посёлке Спартак.

Этот населённый пункт в Донбассе хорошо известен всем. Наверное, каждый корреспондент упоминал это название в своих репортажах. Увы, всякий раз звучит оно во время рассказа о печальных событиях.

Такой горькой популярностью обязан Спартак своему месторасположению. Он граничит с донецким аэропортом. Ещё в самом начале вооруженного конфликта воздушная гавань стала самой горячей точкой на карте Востока Украины, символом этого противостояния.

До сих пор упоминаются терминалы в сводках боевых действий. А значит, не могут спокойно спать жители ближайших посёлков: Пески, Весёлое, Жабуньки, Октябрьский, Опытное, Спартак...

Названия всех этих населённых пунктов у местных всегда ассоциировалось с успехом и достатком. Один из самых престижных районов в пригороде Донецка. Много дорогостоящих домов. Все большие, крепкие с пластиковыми окнами, с гаражом, да зачастую не одним.

Сейчас большинство этих зданий разрушено практически до основания. А их владельцы давно были вынуждены бросить имущество.

Живут здесь только те, кому уезжать некуда, вот совсем некуда. В Спартаке таких осталось несколько десятков человек. Среди них самая маленькая – Вика, ей всего десять. Она без преувеличения местная звезда. Наверное, не существует российского канала, на котором бы не было хоть одного репортажа с её участием.

Очень уж яркий, характерный герой. Маленькая девочка со светлыми волосами в розовой куртке. Готовит уроки в тёмном подвале при свечах. На слух может определить тип снаряда, который разорвётся через несколько секунд поблизости.

Полевая кухня – тоже яркий кадр. В белых халатах две женщины-повара. Как и положено по законам жанра, одна слегка полная, друга миниатюрная. Вот только за спинами у обеих представительниц слабого пола автоматы Калашникова – до передовой здесь несколько сотен метров.

Местный магазин давно не работает. Продукты привозят по расписанию. Учитывая такую непростую обстановку, к полевой кухне мгновенно стягиваются все без исключения местные жители.

В небольшом вагоне печка – есть можно в тепле. В меню: горячий чай, печенье, хлеб, паштет; ну и, конечно, солдатская каша, куда же без неё. Военнослужащие специально заготавливают продуктов как можно больше.

Узнав об этом, пенсионеры смущённо приходят с банками и кастрюлями. Робко просят дополнительную порцию с собой. У кого дома пожилой супруг, которому тяжело выходить

на улицу; кто для подруги возьмёт, а некоторые с грустью признаются, что денег на еду хватает с трудом, сейчас хоть можно взять на несколько дней вперёд.

Выходим на главную дорогу Спартака. С ней связано так много воспоминаний. Весной 2015-го ездили сюда практически каждый день. Представитель министерства обороны ДНР Эдуард Басурин, работники совместного центра по контролю и координации за прекращением огня... официальных лиц всегда было достаточно.

Ходили, осматривали места попаданий снарядов. Днём всё относительно спокойно – ночью активные перестрелки. Об этом непростом периоде работы в Донбассе я ещё обязательно расскажу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.